

ОКСАНА НИКОЛАЕВНА ПОЛЯНСКАЯ
(Улан-Удэ)

**Монголоведные центры России
(г. Казань, г. Санкт-Петербург, г. Иркутск, г. Улан-Удэ):
некоторые аспекты истории и современности**

Abstract

The article discusses the main periods of the development of Mongolian Studies in Russia. It points out difficulties of the whole process and its many dimensions. The research defines the necessity to further study social activities as well as the institutes and universities, to examine biographies and scientific heritage of famous and less known scholars of Mongolian Studies. The paper underlines the importance of investigating the co-operation between scholars from different countries, especially the Polish and Russian Orientalists, on different stages of the development of Oriental studies. The article shows the role of the University of Kazan', where in 1833 the first in Europe Chair of Mongolian Studies was opened under the direction of Osip K o v a l e v s k i (Józef K o w a l e w s k i).

Географическое положение Российского государства – на стыке Европы и Азии – определило появление многосторонних и длительных связей народов России и Востока. Особое место в восточной политике России на Востоке занимали народы Внутренней Азии¹. Наличие этих взаимоотношений вызывало в России практический интерес к Востоку и способствовало накоплению знаний о нем.

¹ Внутренняя Азия – это территория, объединенная в первую очередь общностью исторической судьбы в связи с природно-климатическими особенностями, создавшими предпосылки для единой кочевой цивилизации. В современных условиях это Монголия, АРВМ КНР (Автономный район Внутренней Монголии Китайской народной республики), Бурятия, Тува, Алтай (объединенные разными государственными системами) *Гуманитарные исследования Внутренней Азии.* – 2008. – № 1. – С. 6.

Территориальная близость и длительные разносторонние русско-монгольские (русско-цонгольские) связи привели к тому, что в XIX в. общепризнанным центром мирового монголоведения становится Россия.

В первой половине XIX в. востоковедение, в целом, становится на научную основу, как отрасль гуманитарных наук, в частности, истории, которая так же набирает обороты в своем развитии (история – «наука века» – со слов известного французского историка XIX в. О. Тьерри). Современная история востоковедения – это часть истории самой России и часть истории гуманитарных дисциплин заключается в основном на деятельности учреждений, научных объединений и отдельных ученых.

Первые шаги подлинно научного (академического) монголоведения были сделаны в Петербурге и связаны с именем Исаака Якоба (Якова Ивановича) Шмидта (1779–1847) – академика, монголоведа, тибетолога, сыгравшего значительную роль в становлении монголоведения и тибетологии. Он сформулировал задачи перед начинающими учеными-востоковедами – монголоведом Осипом (Юзефом) Михайловичем Ковалевским (1801–1878), санскритологом Робертом Христиановичем Ленцем (1808–1836) и вместе с Иосифом Юлианом (Осип Иванович) Сенковским (1800–1858), Василием Павловичем Васильевым (1818–1900) привлекал внимание официальных властей и научной общественности к необходимости подготовки тибетологических кадров.

И.Я. Шмидт – немец по происхождению, приехал в Россию из Голландии в 19 летнем возрасте по делам торговой компании. Он пробыл три года среди калмыков, изучил их быт и язык, а в дальнейшем посвятил себя изучению Монголии. В 1829 г. он перевел с монгольского на немецкий летопись Саган Сэцэна. Важным событием в истории монголоведения стали опубликованные И.Я. Шмидтом грамматика монгольского языка (в 1831г. – на немецком, 1832 г. – на русском языке) и словарь «Монгольско-немецко-русский» (1835).² И.Я. Шмидт был первым, кто ввел изучение монгольской филологии и истории в число научных, академических дисциплин. Систематическое, планомерное изучение монголызычных народов Внутренней Азии началось в конце 20-х гг. XIX в., когда Казанским императорским университетом (КИУ) была организована научная командировка О.М. Ковалевского (с 1824 г. работавшего в университете) и действительного студента Александра Васильевича Попова, в будущем также известного монголоведа, в Восточную Сибирь, оттуда в Монголию и Китай. В результате плодотворной командировки (1828–1833) были подготовлены научные и учебные работы, в Казанском университете открыта первая в Европе кафедра монгольского языка (1833). Все эти мероприятия были обусловлены активизацией внешней политики в этом регионе и установлений связей с соседними странами Азии.

² История отечественного востоковедения до середины XIX века. – Москва, 1990. С. 275.

Востоковедение, как никакая другая отрасль исторической науки, зависело от геополитического фактора, который играл решающую роль в процессе зарождения востоковедения в Российской империи (XVII–XVIII вв.). Задачи внутренней и внешней политики, восточные народы внутри страны и на ее границах, на протяжении XVIII–XIX столетий оказывали влияние на развитие и содержание этой отрасли знания. Тем не менее, востоковедение – как любая наука – развивалась по своим законам в соответствии со спецификой методики исследования и источниковой базы.

С 20-х годов XIX в. Совет Казанского университета для более глубокого изучения восточных языков, всестороннего знакомства с историей, культурой, бытом и нравами восточных народов, организует научные путешествия по местному краю и в страны зарубежного Востока.³ Большими сторонниками организации научных командировок был ректор университета профессор Н.И. Лобачевский и попечитель Казанского учебного округа М.Н. Мусин-Пушкин. Такое мероприятие рассматривалось как основа для подготовки научных кадров востоковедения. В этом тандеме Н.И. Лобачевский – М.Н. Мусин-Пушкин, ученый и чиновник, как раз проявилось выражение интересов и науки, и государственной политики России, на службе у которой находились эти два выдающихся организатора научной ориенталистики.

Кандидатура О. Ковалевского (и сначала И. Верниковского, а не А. Попова) предложил сам ректор Н.И. Лобачевский. Студентов и сотрудников из поляков Н.И. Лобачевский всячески поддерживал за их прогрессивность взглядов, общественную активность и желание расширять свои научные познания. Вскоре решили И. Верниковского не посылать, так как он больше занимался арабским языком, а главное – оказалось невозможным его заменить в гимназии (там он преподавал арабский язык). Нужно отметить, Казанский университет был в то время известен своим «польским слоем» студентов, переведенных сюда из западных российских университетов за различные «проступки». В 1824 г. в Виленском университете было обнаружено существование среди студенческой молодежи тайного общества под названием «Общество филоматов» («Друзей науки»). Трое студентов: Осип Ковалевский, Феликс Кулаковский и Иван Верниковский – активные участники общества – заявили о желании изучать восточные языки еще до начала следствия по делу «тайных обществ», они были отправлены в Казанский университет с предписанием «строжайшего за ними надзора со стороны правительства».⁴

³ НАРТ (Национальный архив Республики Татарстан) Ф. 92, оп. 1, д. 822, л. 1.

⁴ НАРТ Ф977, оп. ИФФ, д. 9, л. 1-1об. Выписка из протокола Совета Казанского университета о предложении попечителя М.Н. Мусина-Пушкина, «об оставлении кандидатур Ковалевского и Верниковского на службе при Казанском университете с увольнением их с обязанностей службы при комиссии иностранных дел и об освобождении их от учрежденного над ними надзора». Это обращение должно быть направлено к министру народного просвещения. Документ датирован 1832 г. Следует отметить, что освобождение от полицейского надзора снято не было, что повлияло на тот факт, что Ковалевскому

А в 1839 г. в университете появляется второй “польский слой” из Киевского университета, оказавший влияние на казанскую интеллигенцию среди них студент Станиславский, будущий профессор Казанского университета и еще семь студентов).⁵

В 30-е годы XIX в. университет становится ведущим в мире центром монголоведения. Руководство кафедрой монгольского языка поручается О.М. Ковалевскому. Изучению монгольского языка отдается приоритетное значение, о чем свидетельствует распоряжение попечителя М.Н. Мусина-Пушкина от 17 апреля 1833 г., согласованное с министром просвещения.⁶ Труды О. Ковалевского и А. Попова были заложены основы для изучения языка, истории, литературы, быта Монголии. О.М. Ковалевский создает свою научную школу, подготовил учеников, которые не только продолжили начатое своим учителем, но и привнесли много нового в изучение монголоязычных народов: Александр Бобровников, Галсан Гомбоев, Доржи Банзаров, Василий Павлович Васильев.

Университетским Уставом 1835 г. курсы арабского, турецкого, татарского, персидского и монгольского языков были организационно выделены в самостоятельный восточный разряд в рамках философского факультета. Расширение восточного разряда продолжилось вплоть до 1846 г., когда была открыта кафедра калмыцкого языка (1846 г.).

Казанские востоковеды были убежденными сторонниками исключительной важности знания языка для выяснения исторических путей развития народов. Научная жизнь восточного разряда основывалась на глубоком и устойчивом интересе его ученых к проблемам истории, культуры и быта народов Востока. Казанские востоковеды своими исследованиями значительно расширили сведения мировой науки в области языка, литературы, истории, этнографии и географии восточных народов.

Ректор Н.И. Лобачевский, Совет университета, попечитель (Казанского учебного округа 1827–1845; Петербургского 1845–1856) М.Н. Мусин-Пушкин добивались создания еще кафедр тибетского и еврейских языков, представили они и проект открытия при университете института восточных языков, «...желая, чтобы все имеющееся в университете (кафедры преподавателей, собрание книг и рукописей) стало возможно большей пользой образования большего числа

не было присуждено звание действительного члена Академии наук в 1847 г. В 1832 г. Верниковскому было поручено преподавание древней истории и географии в университете.

⁵ М.К. Корбут, *Казанский государственный университет им. В.И. Ленина за 125 лет 1804/05-1929/30 годы*. – Казань, 1842. – С.71-72.

⁶ НАРТ Ф. 977, оп. ИФФ, д. 233, лл. 2-2об. Документ – предложение Попечителя от 17 апреля 1833 г. его Превосходительству господину управляющему Министерства народного просвещения об усилении в Казанском университете изучения восточных языков, обучающихся монгольскому языку освободить от изучения арабского, персидского, татарского, турецкого...

молодых ориенталистов».⁷ Однако этому проекту не суждено было осуществиться: ни в Казани, ни в Петербурге самостоятельный восточный институт создан не был. Тем не менее, организация факультета восточных языков при Санкт-Петербургском университете была осуществлена при руководстве этим положением.

Восточный разряд Казанского университета просуществовал до 1854 г. 22 октября 1854 г. последовал указ Сената, прекращавший преподавание восточных языков в Казанском университете и Первой казанской гимназии. В последней было оставлено «по уважению местных обстоятельств края» преподавание татарского языка. Официальные мотивы перевода восточного разряда в Петербург были таковы: облегчить Азиатскому департаменту отношения с Востоком с помощью подготовки специалистов на факультете, предоставить верховной власти лично наблюдать за воспитанниками кавказских горцев, которых предполагалось обучать на восточном факультете. И еще одна причина закрытия в Казани восточного разряда – недостаток студентов, тогда как в последние годы существования разряда в отделении восточных языков Петербургского университета недостатка в студентах не было. Поэтому было необходимо сосредоточить преподавание восточных языков для успешного их изучения в одном месте. Восточный разряд перевели из Казанского университета в Петербург еще и потому, что Казань в середине XIX в. становится центром революционного движения. Этот период характеризуется формированием разночинной интеллигенции, предвзявая новый этап революционного движения – разночинского (1861–1895, по В.И. Ленину). Центрами общественного движения всегда были университеты. В развитии востоковедной науки правительство России было заинтересовано и должно было держать под контролем, в Петербурге это было сделать не трудно. Все эти события не были случайностью. Демократические идеи в Казанском университете были заложены его ректором Н.И. Лобачевским, продолжены преемником на посту ректора О.М. Ковалевским.

Ведущие профессора и преподаватели восточных кафедр Казанского университета переводились в Петербургский университет. Одновременно в Петербургский университет были переданы почти все рукописи и восточные книги библиотеки Казанского университета, восточный отдел нумизматики, а из типографии вывезены в Петербург санскритский, тибетский и монгольский шрифты. В 1855 г. восточный разряд философского, а затем историко-филологического факультета Казанского университета прекратил свое существование. 28 августа 1855 г. состоялось открытие факультета восточных языков Петербургского университета. В числе других кафедр была открыта кафедра монгольско-калмыцкой словесности. Само основание кафедры монгольского языка в Петербургском университете было бы невозможно без преподавателей, прошедших подготовку в Казанском универ-

⁷ НАРТ Ф. 977, оп. ИФФ, д. 419, лл.1-1об,7 Документ датирован май 1943 г. *Об образовании восточного института при Казанском университете.* Это предложение инициировал М.Н. Мусин-Пушкин перед министром просвещения.

ситете. Первым преподавателем монгольского языка и заведующим кафедрой в Петербургском университете был назначен ординарный профессор Казанского университета А.В. Попов. Профессор О.М. Ковалевский остался в Казани и 3 мая 1855 г. был утвержден ректором Казанского университета.⁸

Естественно, нелегко было университету расставаться с восточным разрядом. С перемещением восточного разряда в Санкт-Петербург Казанский университет «утратил характеристическую особенность, отличавшую его посреди прочих высших рассадников образования в империи».⁹

Казанский университет по праву занимает особое место в истории отечественного монголоведения. На долю профессоров и преподавателей Казанского университета выпала трудная и ответственная миссия организации первых университетских кафедр по востоковедению, издания первых учебных пособий по восточным языкам.

После того, как в 1854 г. восточный разряд был переведен в Петербург, в Казани неоднократно делались попытки восстановить ряд восточных кафедр. В 1861 г. в городе вновь были основаны две кафедры: арабского и турецко-татарского языков, но уже в 1868 г. кафедра арабского языка была упразднена, а в 1872 г. то же произошло и с кафедрой турецко-татарского языка. В дальнейшем, в университете из востоковедческих дисциплин успешно развивалась только тюркология.

Вновь востоковедение в Казанском университете как самостоятельная организационная форма официально нашло отражение только в 1990 г., когда на факультете татарской филологии открыли кафедру восточных языков. Ее первой заведующей стала выдающийся советский ученый-тюрколог, кавалер Ордена Ленина, академик Академии наук Республики Татарстан Диляра Гарифовна Тумашева. До этого востоковедение продолжало жить, в основном, благодаря энтузиастам.

Идея возрождения востоковедения в Казанском университете жила всегда. Эта идея претворилась в жизнь весной 2000 г., когда решением Ученого Совета от 27 апреля 2000 г. был образован Институт востоковедения КГУ (ИВ КГУ), его директором является профессор кафедры восточных языков Габделжамиль Габдулхакович Зайнуллин.

В настоящий момент в структуре Института три выпускающие кафедры: восточных языков, тюркологии, истории и культуры стран Востока. В распоряжении студентов Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского КГУ, кабинет востоковедения, насчитывающие в своих фондах около 5 тысяч книг по востоковедению.

⁸ НАРТ Ф. 92, оп. 1. д. 6902, л. 148.

⁹ *Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1854/1855 учебный год.* – Казань, 1855. – С. 46.

В Институте работают преподаватели-носители языка из Турции, Китая, Южной Кореи, арабских стран. Налажены связи с Институтом востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), Институтом стран Азии и Африки (ИСАА) при МГУ и др. Доброй традицией стал приезд профессоров этих вузов в КГУ для чтения лекций по разным направлениям востоковедения.

В первой половине XIX в. монголоведение в Казанском университете занимало ведущее положение, так как это определялось географическим положением г. Казани как города, расположенного на стыке европейской и азиатской территорий России, что давало возможность наладить отношения с восточными окраинами Российской империи и соседними государствами Востока. Казань – центр округа, включающий в себя огромный регион: все Поволжье, Прикамье, Приуралье, Сибирь и Кавказ, а также Пензенская и Тамбовская губернии. Казанский университет соответственно самый восточный (отдаленный от центра Российского государства), далее на Восток университетов не было. Поэтому изучение монгольязычных народов, проживающих на окраинах России, а также Монголии и Китая было вполне закономерным и объяснимым фактом.

Сегодня же монголоведение в КГУ не представлено ни в какой форме. Монголоведные исследования успешно проводятся учеными сибирской школы, центрами которой являются Иркутск и Улан-Удэ.

Рассматривая определения научных школ, можно выделить главное: для всех научных школ характерным и общим является воспитание ученых, способных самостоятельно разрабатывать фундаментальные проблемы науки, развивать науку и воспитывать преемственность поколений научно-исследовательских и педагогических кадров. Многие научные школы имеют свои традиции, особенности и подходы к воспитанию научной молодежи, реализации исследовательских программ. Можно с уверенностью сказать, что в Улан-Удэ и в Иркутске сложились школы научного монголоведения.

Иркутск был первым из городов России, где в начале XVIII в. началось изучение восточных языков – монгольского, маньчжурского, китайского, бурятского, японского.

В освоение русскими людьми Сибири в XVI–XVII вв., установление общей границы с Китаем, в состав которого тогда входили монгольские княжества (подчиненные власти маньчжурской Цинской династии), привели к усилению разнообразных приграничных связей населения Иркутской губернии и соседней Монголии. Развитие и усиление в дальнейшем экономических, культурных и политических связей с Монголией потребовали знающих язык, быт и традиции людей.

И не случайно первая в России «мунгальская» школа переводчиков возникла в 1725 г. именно в Иркутске. Согласно критериям оценки того времени, школа была хорошо оснащена литературой, здесь были такие выдающиеся произведения на монгольском языке, как «Сокровенное сказание» и «Гэсэриада». В 1790–1793 гг. монгольский язык преподавался в Иркутском главном народном училище, в первой

половине XIX в. – в Иркутской духовной семинарии. Уникальные книги и рукописи на монгольском языке с переводами на русский язык из этой семинарии хранятся в настоящее время в редком фонде Научной библиотеки Иркутского университета.

В первой половине XIX в. в Иркутске работали знатоки монгольского языка Александр Васильевич Игумнов и Александр [Ильич] Бобровников (отец известного монголоведа Алексея Бобровникова) – автор первой в России «Грамматики монгольского языка», опубликованной в Казани. Можно предположить, что небольшой тираж и назначение грамматики – для подготовки миссионеров в духовных заведениях, – все это способствовало тому, что она была утрачена.

Со второй половины XIX в. изучение Монголии поднимается на новый качественный этап в связи с организацией в Иркутске в 1851 г. первого на территории азиатской России научного учреждения – Сибирского (в дальнейшем – Восточно-Сибирского) отдела Русского географического общества (ВСОРО).

ВСОРО направляет в Центральную Азию многочисленные научные экспедиции, которые впервые исследовали физическую географию, геологию, животный и растительный мир, население, культуру, фольклор, религию, историю этой обширной территории, до этого остававшейся «белым пятном» на карте мира.

Новый этап в изучении истории Монголии начался в 1918 г. с открытием в Иркутске университета. В составе которого, одним из первых, было образовано восточное отделение, где монголоведение являлось ведущим направлением. Этому способствовало ряд обстоятельств. Во-первых, город был местом с богатыми традициями изучения монгольского языка, этнографии и истории Монголии. Во-вторых, в Иркутске в 1918–1921 гг. находились организации Коминтерна, которые оказывали помощь монгольским революционерам. В-третьих, в 20-е годы, в результате бурных событий революции и гражданской войны в России, в Иркутске оказались многие востоковеды Москвы и Петрограда. В 1926–1932 гг. Иркутский университет начал обучение монгольских студентов и подготовку квалифицированных специалистов для партийных, государственных и научных организаций Монгольской народной республики (МНР), что также усиливало интерес к истории страны, ее языку и культуре.

Проблема взаимоотношений России и Монголии – одна из основных в исследованиях ученых Иркутска. В Иркутском университете в 1975 г. был создан кабинет монголоведения, региональное отделение Международной ассоциации монголоведов. С 1987 г. в университете активно работает иркутское региональное отделение Международной Ассоциации монголоведов. Иркутский госуниверситет является коллективным членом этого представительного международного сообщества. В 1999 г. создан научно-информационный центр изучения Монголии, призванный координировать деятельность всех подразделений университета, проводящих научные исследования в Монголии и подготовку кадров.

В Улан-Удэ так же сложился один из крупных центров и академического, и университетского монголоведения, интеграция которых наблюдается сегодня. Бурятия и Монголия исторически тесно связаны, на протяжении веков этот регион являлся своего рода «мостом», который связывал Россию и Монголию. Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ) был тем пунктом, через которые зарождались контакты русских и монголов, происходило взаимовлияние и взаимопроникновение культур этих народов. Учитывая определенную близость Бурятии и Монголии, проблема взаимоотношений двух стран, приобретает особую актуальность.

В Улан-Удэ ведет работу Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, который за 80 лет своего существования стал крупнейшим центром гуманитарных исследований на востоке России. Институт характеризуется многоплановостью исследований по истории, культуре, философии и социальной проблематике народов, населяющих значительный регион Центральной Азии. Научные исследования Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН сконцентрированы в рамках одного направления: комплексное изучение проблем тибетологии, буддологии, монголоведения и закономерностей социально-экономического, исторического и культурного развития монголоязычных народов России и Внутренней Азии.

В Бурятском государственном университете так же значительное внимание уделяется изучению Монголии и российско-монгольским связям, связям между Монголией и Бурятией на современном этапе (восточный и исторический факультеты). Одной из тем, изучаемых профессорско-преподавательским коллективом исторического факультета является монголоведная тематика. Тесные контакты с монгольскими учебными и научными центрами (Монгольским государственным университетом, Монгольским государственным университетом образования, Институтом истории АН Монголии) поддерживает кафедра Всеобщей истории, открытая в 1971 г. Первым заведующим которой был доктор исторических наук, профессор Даши Батуевич У л ы м ж и е в (1927–2000), который многое сделал для развития научно-исследовательских связей между Монголией и Буртией.

Имя Даши Батуевича У л ы м ж и е в а, широко известно среди монголоведов, его работы посвящены российско-монгольскому сотрудничеству в XX в., а также развитию российского монголоведения. Разработкой темы: история становления и развития монголоведения занимается его ученица О.Н. П о л ы н с к а я.

Сибирская школа монголоведения продолжает традиции российского востоковедения, истоки которого идут из Казани и Санкт-Петербурга. Петербургский центр востоковедения, по-прежнему занимается монголоведческой тематикой и занимает в этом доминирующие позиции среди центральных российских научных и учебных учреждений.

После перевода восточного разряда из Казани в Петербургский университет, восточное отделение которого было преобразовано в самостоятельный восточный факультет, свое развитие востоковедение получило с новой силой в Санкт-

-Петербурге, где уже успешно осуществлял востоковедные исследования Азиатский музей, открытие которого состоялось в ноябре 1818 г. при Императорской Академии Наук. С этой даты ведет свой отсчет Институт востоковедения РАН Санкт-Петербургский филиал, теперь Институт восточных рукописей. С возникновения Азиатского музея начинается история российского академического востоковедения. В год основания в фондах Азиатского музея хранилось 2500 книг и рукописей на многих восточных языках и свыше 20 тысяч монет. Уже в то время Азиатский музей был и хранилищем восточных рукописей, книг, киелографов и монет, и музеем с экспозицией для обозрения посетителями, и научно-организационным центром востоковедения в Петербурге, и библиотекой, где учеными изучались памятники культуры. В начале XX в., к столетию своего существования, Азиатский музей представлял собой крупный востоковедный центр с замечательными коллекциями рукописей на 45 восточных языках и прекрасной востоковедной библиотекой. В первой четверти XX в. Музей пополнился коллекциями из многих других фондов, значительно выросло число сотрудников. В 1928 г. при Академии наук СССР был создан Институт по изучению буддийской культуры, в который вошли Ф.И. Щербатской, С.Ф. Ольденбург, Н.Я. Марр, В.В. Бартольд, Б.Я. Владимирцов.¹⁰ В 1929–1930 гг. был подготовлен проект реорганизации восточного сектора Академии наук и на базе Музея в рамках АН СССР был создан Институт востоковедения.

Образованный в октябре 1930 г. из прежних востоковедных учреждений Академии наук (Туркологического кабинета, Института буддийской культуры и Азиатского музея с коллегией востоковедов) Институт повел работу в разрезе историко-экономическом и литературоведческом. В соответствии с этим он состоял из сектора историко-экономического, секторов литературы и девяти кабинетов, разделенных по языковому принципу для более удобного использования материалов по вопросам экономики, истории и литературы стран Востока на восточных языках.¹¹ В основу работы были положены требования марксистско-ленинской теории, актуальность тем определялась задачами социалистического строительства, основным принципом деятельности было названо планирование не только работы Института в целом, но и отдельных его сотрудников.¹² Надо отдать должное, что руководство, сотрудники, многие из которых известные ученые, являлись продолжателями традиций имперского академического востоковедения, одной из задач которого было собирание рукописей на восточных языках. Та же задача оставалась одной из основных и в новом учреждении, сформулированная как собирание материалов (на восточных языках), только тех, которые «могут показать пути некапиталистического развития народов Союза, бывших царских колоний, характеризующую реакционную роль шаманства, ламаизма

¹⁰ *Известия Академии наук СССР*. – 1928. №№ 8-10. – С. 518.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

и т.д.». ¹³ Преемственность в деятельности Института наблюдалась и в полевой исследовательской деятельности, основным принципом которой Институт объявил «комплексность». ¹⁴ Осуществление комплексности на практике мыслилось в экспедиционной работе, куда включались ряд специалистов (этнограф, экономист, антрополог, врач). Однако здесь была поставлена совершенно отличная от целей прежней академической науки задача – подготовка комплексного специалиста, т.е., совмещение разных специальностей в одном исследователе (например, этнограф-экономист). ¹⁵

В созданном в 1930 г. Монгольском кабинете Института востоковедения работали специалисты по основным направлениям монголистики: Н.Н. Поппе, Г.Д. Санжеев, В.А. Казакевич, Г.Н. Румянцев, В.Д. Якимов, С.Д. Дылыков, С.А. Козин, Ц.Ж. Жамцарано, В. И. Панкратов, Т.А. Бурдукова, А.И. Воробьева, Е.П. Лебедева, Л.С. Пучковский и др.

В 1950 г. Институт востоковедения был переведен в Москву, а знаменитый ленинградский фонд был сохранен как Сектор восточных рукописей. В настоящее время Институт является крупнейшим исследовательским центром России по изучению языков и литературы, истории и культуры, экономики и политики стран Востока. Хранилища Института содержат бесценные коллекции древних книг и рукописей.

Преподавание восточных языков было введено в Санкт-Петербургском университете еще уставом 1804 г. Однако, центром востоковедения университет в Петербурге становится после перевода сюда восточного разряда Казанского университета. После объединения усилий двух университетов, а так же Харьковского университета и Ришельевского лицея в Одессе был создан самостоятельный факультет восточных языков (1855). ¹⁶ Его первым деканом был назначен приехавший из Казани профессор А.К. К а з е м - Б е к, после него деканом факультета стал профессор А.О. М у х л и н с к и й, при котором была осуществлена передача восточного разряда Казанского университета в Петербург.

Студенты нового факультета распределялись по пяти разрядам: арабо-персидско-турецко-татарскому, монгольско-калмыцкому, китайско-маньчжурскому, еврейско-арабскому, армяно-грузинско-татарскому. Преподавателями монгольско-калмыцкой кафедры были А.В. П о п о в (заведующий), Г. Г о м б о е в, К.Ф. Г о л с т у н с к и й, Д.Д. К у т у з о в, А.А. Б а д м а е в, А.М. П о з д н е е в, В.Л. К о т в и ч, А.Д. Р у д н е в, Б.Я. В л а д и м и р ц о в, А.В. П о п о в, Г. Г о м б о е в, К.Ф. Г о л с т у н с к и й – воспитанники казанской школы ориенталистики, на плечи которых легли все трудности организации ее работы. А.М. П о з д н е е в, В.Л. К о т в и ч,

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. – С. 56.

¹⁵ Там же. – С. 57

¹⁶ А.М. Куликова *Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в.–1917 г.)*. – Санкт Петербург, 1994. – С. 47.

А.Д. Руднев, Б.Я. Владимирцов – выдающиеся монголоеды, заложившие прочный фундамент в изучении монголоязычных народов, имена, с которыми связана деятельность востоковедных институтов и обществ. В настоящее время факультет востоковедения Санкт-Петербургского государственного университета является одним из центров изучения Востока, на котором преподается история, география и этнография Монголии, исследуются источники по истории Монголии.

Данная статья – лишь несколько страниц об основных этапах развития монголоведения в России, с помощью которой мы хотели показать сложность всего процесса и одновременно его многогранность. В связи с чем, все отчетливее становится необходимость дальнейшего изучения деятельности обществ, институтов, университетов, биографий и научного наследия плеяды известных и малоизвестных монголоведов. Как пишет исследователь истории российского востоковедения А.М. Куликова: «Если представить историю российского востоковедения в виде мозаичного панно, то каждая его клеточка будет соответствовать деятельности конкретного лица, причастного к данной области. В настоящее время это панно не закончено...».¹⁷ Наша задача восполнить эти пробелы, кроме того, на наш взгляд, необходимо добавить еще одну составляющую – взаимодействие ученых разных стран, в частности польских и российских ориенталистов, тем более, что на заре монголоведных исследований наши страны имели общих героев.

¹⁷ А.М. Куликова *Российское востоковедение XIX века в лицах*. – Санкт Петербург, 2001. – С. 180.